



люди искусства

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ,

лауреат Государственной премии СССР

На холодных каменных плитах лежат раненые и больные люди. Тела беспорядочно разбросаны, одежда — лохмотья, сбитые в кровь ноги обмотаны тряпками или босы. Ночь. Все замерло, застыло под лунным светом. Медленно ползет камера от одного страдающего человека к другому, подчеркивая выражение каждого лица. При этом мы сначала почти не различаем их реплик, да нам и необязательно знать их, настолько вопиют изможденные, обросшие лица, глаза, горящие яростным огнем непокорности...

Эти кадры из фильма «Судьба человека», снятые оператором Владимиром Монаховым, обошли, пожалуй, все страны мира. Теперь они признаны, канонизированы — это классика кино. И сейчас, почти через четверть века, они потрясают своими открытиями: выразительностью и обобщающей правдой.

Недавно я был в небольшом городке и там еще раз посмотрел «Судьбу человека». Когда фильм закончился, пожилые женщины вытирали слезы, а мальчишки натягивали низко на лоб кепки, чтобы никто не увидел их глаз.

Это дорого стоит.

До «Судьбы человека» Монахов снял еще два известных фильма: «Попрыгунья» (совместно с оператором Ф. Добронравовым) — по рассказу Чехова и современный — «Высота».

Обе эти картины отличает монаховский почерк, преодоление и развитие старых традиций: живописность, смелые ракурсы, всегда точное подчинение образительных замыслов идеям актера и режиссера.

Для каждого персонажа Монахов находит свои выразительные детали и выпукло нам их преподносит. В «Высоте», например, одним из главных героев лент становится индустриальный пейзаж — он одухотворяет, связан единой жизнью с персонажами фильма.

Когда Монахов подошел к фильму «Судьба человека», он был уже внутренне сформирован как художник. Работа над «Судьбой человека» — не случайная удача, а этап, подготовленный всей прошлой жизнью и собственной судьбой.

Стоит напомнить несколько кадров из «Судьбы человека», чтобы осмыслить и понять, чего удалось добиться Монахову в этом фильме. Вот, например, побег Андрея Соколова из плена — темп передвижения камеры настолько стремителен, что организует динамику сцены и выявляет состояние героя — зритель сопереживает герою, поскольку видит окружающий мир его глазами. Дви-

жение камеры сливается с бешеным ритмом сердца стремительно бегущего человека... Или ставший всемирно известным кадр, когда Андрей Соколов падает обессиленный в овсяном поле, как бы припадая к родной земле, ища у нее силы для борьбы.

Для осуществления этих сцен Монахов первым использовал вертолет как съемочную площадку — мир его камеры открыл новые горизонты. Но все эти яркие находки, эти первопроходческие вехи строго целенаправлены и потому никогда не воспринимаются сами по себе. Здесь все монолит: режиссерская и актерская мысль Бондарчука и образительный, говорящий, многоплановый ряд оператора Монахова.

Я дома у Владимира Васильевича. Последние годы мы реже встречались... Нет, не изменился, с кем-то спорит, возмущается, увлеченно говорит — и не только о кино. Потому что Монахов — человек активный, с ярко проявленным гражданским темпераментом. Не случайно он многие годы занимается общественной работой в Союзе кинематографистов, ведет мастерскую во ВГИКе.

Когда Монахов снимал «Судьбу человека», ему было тридцать шесть лет. Теперь исполнилось шестьдесят.

Совсем недавно он ездил в город своего детства...

— Годы мелькают, а ты их не замечаешь, — говорит Владимир Васильевич, — тебе кажется, что у тебя всегда есть время. Но вот пребывание в родном городе напоминает, что слишком длинна дистанция, которую ты прошел. Вот тут ты бегал мальчишкой, вот тут ходил в школу, вот тут тащил с базара огромный арбуз, сгибаясь под его тяжестью. Отсюда в сорочковом ушел в армию. Ты все это помнишь, вытаскивая из глубин сознания. Но ты ли это? Ты, конечно. И остро понимаешь, что пришло время работать еще энергичнее.

После «Судьбы человека» Монахов как оператор снял только один фильм — «Оптимистическую трагедию». Снял смело, грандиозно, многопланово, скульптурно. Вспомним хотя бы фигуры матросов в черных бушлатах на белом песке. Еще раз доказал, что его операторскому искусству одинаково подвластны и современный мир, и дореволюционное прошлое, и время революции.

Но Монахову делается тесно за камерой оператора — ему хочется увидеть мир шире. У него появляется неотступное желание самостоятельно поставить фильм для того, чтобы донести до зрителя собственные мысли и

мироощущение. Он начинает мучительные поиски сценария и... замыкается вновь на произведениях Шолохова. Теперь это рассказ о гражданской войне «Чужая кровь» (фильм получил название «Непрощенная любовь»). Монахова подкупила в этом рассказе яростная страстность героев. Ищет он экранный эквивалент прозе и в своей следующей картине «Про чудеса человеческие», которую поставил по «Рассказам бабки Василисы» Галины Николаевой.

— В этом последнем произведении Галины Николаевой, — вспоминает Монахов, — я увидел возможность поговорить со зрителем о вечно живых и всегда важных для человека понятиях — таланте, добре, любви, мужестве, к которым искусство обращается всегда, но которые никогда не могут быть исчерпаны до конца. Мне близка мысль писательницы о том, как в обыкновенном и привычном неожиданно открывается чудо — из тех чудес, что заставляют человека задуматься и переосмыслить многое в самом себе.

Монахов строит фильм как размышление, как исповедь, достигая большой драматической выразительности.

И вот Монахов пришел к своему лучшему, на мой взгляд, фильму, который он снял по рассказу Эм. Казакевича «При свете дня» (фильм назывался «Нежданный гость»). Монахов сродни Казакевичу по биографии, он моложе его, но тоже прошел войну от звонка до звонка, сражаясь под знаменем сталинградской дивизии. В общем, оба они воинству солдаты, их сердца и мысли навсегда там — на полях сражений, среди живых и погибших братьев по оружию.

Монахов досконально знает военную службу героев писателя, хорошо понимает движения их душ — ему бесконечно близки и дороги эти «обыкновенные и совсем необыкновенные» капитан Нечаев и солдат Слепцов. Он удачно выбирает героев: капитана Нечаева играет А. Мягков, солдата Слепцова — И. Лапиков. Все здесь важно для Монахова — общая обстановка картины, ретроспективные эпизоды — в них надо быть предельно правдивым, ибо они создают достоверность, детали быта семьи Нечаева и окружающей ее среды, солдатская жизнь на фронте, но более всего для него важно донести основную мысль рассказа. «Дословность литературного произведения в изображении губительна и просто не нужна, — считает Монахов. — За экранизацию стоит браться, если можешь сказать во весь голос слово, нужное сегодня».

Мы сидим в кабинете Владимира Васильевича среди множества книг, магнитофонной аппаратуры и цветов. Это три кита Монахова, три его неизменные страсти: он все время озабочен книгами, без конца делает новые записи музыки и со страстью разводит цветы. Время меняет человека. А может быть, прожитые годы — это накопление мудрости, это большее понимание и участие в жизни других? Когда Монахов был молод, он, например, категорически запрещал своим дочерям пользоваться своей аппаратурой. Теперь его маленький внук все время норовит отвинтить какое-нибудь «колесико» от магнитофона, пока он умеет только отвинчивать, и Монахов не осуждает его.

— Ну, а что тебя сейчас волнует? — спрашиваю я.

— То же, что и раньше. Только более тревожно... Взаимоотношения людей между собой, их взаимоотношения с обществом.

«До сих пор жива инерция невнимания к человеку, — прочел я в одном давнем интервью Монахова. — Жива еще удобная для некоторых мораль — лучше промолчать, чем сказать. Это болезнь, с которой надо бороться. Надо не бояться личной ответственности за то, что происходит в жизни, тогда мы научимся отвечать за свои поступки...»

...Мы молчим; теперь говорит только музыка. Так бывало всегда: сначала разговор обо всем, потом о кино, а потом музыка...

Я думаю, что же Монахов сделал своими фильмами, какую лепту он внес в живое дыхание человеческой жизни? И отвечаю: его фильм — это весь опыт его собственной большой жизни: предвоенного детства, военной юности, любви к близким и к родной земле.

Заслуженный деятель искусств РСФСР кинорежиссер Владимир Монахов.